

4 февраля 2020 года

МОСКВА, 4 ФЕВРАЛЯ. БЕЗ ГАЛСТУКА.
– «Это было особо опасное преступление на контроле у всех. Президент знал. Меня – нет, а обо мне – да», – майор юстиции в запасе Михаил Кулик

ОТ РЕДАКЦИИ: Продолжаем рассказывать о «людях ПИРа», с которыми мы встречаемся в формате «без галстука». Сегодня в гостях у ПИР-Центра – майор юстиции в запасе Михаил Федорович **Кулик**: автор одной из самых нашумевших статей в журнале ПИР-Центра Ядерный Контроль, в прошлом -следователь по особо важным делам Военной прокуратуры Северного флота, руководивший уникальными расследованиями о хищении радиоактивных материалов. С ним беседует научный сотрудник Центра глобальных проблем и международных организаций Дипломатической академии МИД России, консультант ПИР-Центра Андрей **Баклицкий**.

Я, конечно, был знаком с сюжетом о хищении ядерных материалов на Северном флоте, но с ключевым участником тех событий, Михаилом Куликом, мне довелось встретиться только в рамках интервью для проекта «Без галстука». Это был очень интересный опыт, Михаил Федорович начал свою карьеру накануне распада СССР, стал следователем по особо важным делам в двадцать четыре года, успешно расследовал беспрецедентные

«ядерные» дела, потом стал адвокатом и водным путешественником. Любопытнейшие маршруты судьбы от службы в суровом Североморске 1994-го до отпускного лодочного маршрута по тем же местам в 2018-ом.

В холодильнике – образцы крови, на вешалке - окровавленная куртка

Семья у нас была офицерская, военно-юридическая династия. Отец – военный следователь. Помню, в восемь лет мог проснуться и обнаружить в холодильнике образцы крови, стоящее рядом с отцовской кроватью упакованное оружие, а на вешалке окровавленную куртку. Отец приезжал с ночного происшествия, а утром ехал это экспертам передавать.

В 15 лет, как у любого мальчишки, идеи были совершенно романтические. Хотел заниматься историей, причем обязательно активной историей – то есть археологией. Первая идея – подводная археология. Не помню с чем связано, наверное, товарищ Сенкевич в своих сюжетах интересные подводные находки показал. Однако поступил в военный Краснознамённый институт Министерства обороны СССР. Полетел в Североморск, прошел стажировку, и влюбился в этот Север до такой степени, что после этого точно знал, куда буду писать рапорт о распределении.

Капуста, салат из капусты и капуста с майонезом

В 1991 году распался СССР. Все было очень плохо, зарплаты задерживали, в магазинах не было товара. В главном гастрономе Северодвинска «Океан» можно было купить 3 продукта: капусту морскую, салат из морской капусты и салат из морской капусты с майонезом. Три товара, которые продавали без карты. Карточки у меня хранятся до сих пор, я их сшил в виде уголовного дела.

Первого августа 1991 года я приступил к исполнению обязанностей, а 19-го все началось. Мне было 22 года, когда я получил в производство свое первое уголовное дело. Далеко не каждому удастся осознать в таком возрасте, что тебе дали в руки и топор, и молот, и кнут. И ключи от решетки.

Без портрета Горбачева – с горами дел о дезертирстве

В тот день работал допоздна, часов в 11 вышел из кабинета. А на следующий день нас собирает прокурор и совершенно будничным тоном говорит: «Так, замполит Беломорской военно-морской базы снял портрет Горбачева. Кому поручаем уголовное дело об измене Родине?». Я жил в общежитии, телевизора

не было. Это шутка - не шутка... не знали, что думать.

По кабинетам горами лежали возбужденные уголовные дела о дезертирстве. Тратили процентов 80 времени на пустую работу – печатали постановления об объявлении розыска, предъявлении заочного обвинения, применении меры пресечения и заключении под стражу, тоже заочно. Много офицеров убежало, даже не убежало, а рассталось со службой. Для кого-то засияло светлое будущее – кооперативы, частная деятельность. Кто-то разочаровался, пошел рубить дома и бани, потому что зарплату четыре-пять месяцев не выплачивали.

Вскрыты склады, замок перекушен
В 1994 году начал расследовать два дела о хищении радиоактивных материалов на Северном флоте.

ОТ РЕДАКЦИИ: *В июле и ноябре 1993 года на территории хранилищ Северного флота в Мурманской области были совершены хищения ядерных материалов. В обоих случаях военнослужащие завладели активными частями свежих тепловыделяющих сборок (ТВЭС) с целью дальнейшей продажи. Продать ТВЭС похитителям не удалось, все они были задержаны и осуждены по статье 223-3, получили от 3 до 5 лет лишения свободы.*

Эти два дела по началу даже не разделял, настолько они были уникальны для флота и для страны, да и для мира в целом, потому что таких случаев можно по пальцам пересчитать. А хищение наполнителей топливных элементов – ТВЭЛов, они же ТВЭС, по-моему, нигде больше и не происходило на тот момент. На Московском механическом заводе был еще случай – в строительной рукавице сквозь дыру в заборе вынесли 600 граммов урана. Ездил туда связи между делами искать.

А дело было так. Из хранилищ поступило сообщение: вскрыты склады. Приехали оперативники, следователь, руководство, радиоактивный контроль. Как всегда банально выяснили путем простого пересчета и выявлением перекушенного замка. Все эти страшилки с окровавленными трупами – это другая история, это насильственное.

Дали проявиться молодому
В Североморске тогда не оказалось человека, способного взяться за это дело. Был кадровый голод, люди занимались другими делами – решили дать проявиться молодому. К тому моменту я уже года два был на хорошем счету,

меня "назначали" лучшим следователем вооруженных сил. На кого повесить? Вот лучший пусть и доказывает, что он лучший. Я принял дело уже с какими-то материалами, томов пять было. А на выходе было 28 томов по одному делу, и 17 по другому. Нудная до крайности, кропотливая работа. Не погоня же, не стрельба. Допрошено семь тысяч человек, полезных данных дали только 12 или 15 из них. Специфика работы с ядерными материалами не отяжеляла. Сама методика расследования уже есть, ничего нового не придумаешь, если допрос – то допрос, так же обыск. В части определения опасности – законодатель установил санкцию по статье 222, незаконный оборот радиоактивных материалов. Как искать – для этого есть специалисты некриминалистического направления, специалисты по ядерным материалам, у них приборы. Здесь надо было сесть и просто подумать, кого пригласить, какие силы, средства и специалистов объединить, как их правильно озадачить.

В те годы мы все росли, в 24 я был следователем по особо важным делам, до меня такого не случалось. В 25 был начальником отдела по обеспечению законности при исполнении закона о федеральной безопасности. В 90-ых ушли вот те самые капитаны-майоры, самая боевая часть. Было неожиданно, какая-то гордость была, что мне это поручили. Это действительно было особо опасное преступление на контроле расследования у всех, включая Юрия Чайку, Генерального прокурора до недавнего времени, он тогда был первым заместителем Генерального прокурора. Об этом знали главный военный прокурор и выше в исполнительной власти. Президент знал. Меня – нет, а обо мне – да.

Крадем сейчас, что с этим делать – пойдем потом
В обоих случаях места хранения похищенного злоумышленники указали сами, когда мы со следственной группой вышли на них. В одном случае просто привели и сказали: «Вот все, забирайте, мы сознаемся». А в другом была разыграна целая история про религию. До сих пор товарищ Бакшанский

пишет книжки, а в одной из них ругает меня страшными словами. Он был пятидесятник, зачем украл – я так и не понял. Возможно была некая задача, из Норвегии тянулся скандинавский след.

По итогам расследования понял, что люди решились на хищения от жуткого безденежья и безысходности, на фоне вот тех псевдосенсаций о красной ртути, грязных бомбах и прочем. В обоих случаях было так: крадем сейчас, что с этим делать – поймем потом.

Если бы похитители были профессионалами, подключились бы иностранные спецслужбы – они бы могли за ночь вывезти весь запас ядерного топлива Северного флота. Мало того, у них могла оказаться фора в пару месяцев, прежде чем даже искать начнут. Месяца два думали бы сначала как сделать вид, что его здесь и не было – звезды же с погон полетят. Потом приходили бы в себя, пытаюсь убедиться, что это не морок какой-нибудь. Потом между собой искали бы крайних, и только тут бы доложили наверх. Во времена первых ксерокопировальных машин подогнать пару камазов и слиповать какие-нибудь с красными печатями накладные на отгрузку – местные бы еще и перегрузить помогли.

Сверхъестественно, но законно
Публикация статей действующим следователем по особо важным делам была событием сверхъестественным, но законным. Я получил разрешение от своего прокурора, он согласовал с главным военным, с Генеральным прокурором. Федор Карпович Шепетов, тогда прокурор Северного флота – человек внятный и мудрый – принял положительное решение. Фильмы даже об этом деле снимали. В погранзону, на Север, допустили людей – в качестве стрингеров работали ребята из *Московских Новостей*. Было оговорено до какой степени мы можем раскрывать информацию, но скрывали очень немного. Как ни странно, технические характеристики этих палок (СТВС) были высшей степени секретности, но давно не секрет для всех интересующихся. Из-за секретности до 2007 года я не мог выехать за границу.

АНАЛИЗ

ЭКСКЛЮЗИВ

Михаил Кулик

следователь по особо важным делам
военной прокуратуры Северного флота

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХРАНЕНИЯ ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА СЕВЕРНОМ ФЛОТЕ

В конце 1994 года вновь было объявлено успешное дело о ликвидации радиоактивных материалов на Северном флоте. В этот раз в качестве главного героя выступил представитель спецназа — капитан Александр Ковалев. Он заявил, что специалисты называются «Атлант» и «Атлант-3» — трех специальных взрывоопасных сборов для каменных реакторов атомных подводных лодок. По словам Ковалева, в результате проведенных в 2035. Вспомогательные, радиоактивный урот не быт в уделе, что само оно пришло, скоро су... Ковалев не удержался и добавил: «Вот так, в общем, и будет». Не уверен, однако, что окончание троих преступлений решит проблему радиоактивных материалов на Северном флоте с хранением радиоактивных материалов.

Что тревожит в первую очередь? Рассуждения политиков о том, что лишения, особенно на складах министерства обороны, исключены, потому что... исключены. Действительно, сколько раз приходилось слышать именно этот «ссылочный» аргумент.

Сразу возникает вопрос, что является контролем, практикой, а не самым хорошо знакомым с теоретическими программами в области учета, контроля и сохранности казенных материалов. Тогда не менее значительный опыт работы по теоретическому контролю за реализацией материалов на Северном флоте позволяет мне по крайней мере высказать в спокойствии военных генералов и «контрабандистов» Минатома.

[illegible]

ДОСЬЕ ЯК

Из заключения технической экспертизы усматривается, что предмет исследования является активной частью з/а свежих тепловых изоляционных сборов (СТВС) активной зоны типа ВМ-4 АМ. Данные изделия применяются для загрузки в реактор атомной подводной лодки. В состав тепловой композиции СТВС входит 1448,9 г. урана-235, 234, 236, 238, из них урана-235 283,3 г., т.е. около 20%.

Стоимость одного издания в ценах 1986 года составляет 7106 руб., в ценах 1991 года - 17600 руб. После совершения хищения издания полностью вышли из строя и не пригодны для дальнейшего использования по прямому назначению.

По заключению технической жюри: [REDACTED] СТВО [REDACTED]

[illegible]

Сам склад оборудован противопожарной защитой, т.е. системой контроля самоподдерживающейся ядерной реакции, системой противопожарной защиты, водной сигнализацией (**инципактор** - два простейших контакта: расположены на определенном уровне от поверхности; когда вода достигает этого уровня, контакты замыкаются, и срабатывает сигнализация).

Но охраняй сигнализация, как таковой... почти нет. Есть простой контактный выключатель: дверь открылась, вышибены штыри - сигнализация сработала. Дверь закрылась - штыри встал на место, контакт разомкнул, соответственно сигнализация перестала работать. Такая сигнализация вывешена на пулт, находящийся в ста метрах от самого хранилища. К тому же, сигнализация в хранилище была **«намоточная»**, то есть одна из шпёр (вольную или напильную) шпёрта будет открыться уже без всякой сигнализации. Большие тачки, кабель этой сигнализации проходил через «бывок» - развалку грузчиков. В «бывок» распределительный щит даже не был закрыт на замок. Иными словами, сила в «бывок», преступник может не спеша обеспечить распределительный щит и действенно.

Решил опубликовать материалы в журнале ПИР-Центра *Ядерный Контроль*, потому что понимал, что люди должны знать. Спросил экспертов, какова степень опасности и что можно сделать с таблетками этими, если они у меня за сейфом стоят. Выяснили, что, раздробив и поместив их в систему питьевого водоснабжения Мурманской области, можно было убить, по самым скромным подсчетам, 150-200 тысяч человек. Понимая всю степень ответственности и опасности, старался донести это до максимального количества людей. Володя Орлов лично у меня брал интервью и потом редактировал статью –

через него об этом узнали. *Ядерный Контроль* тогда не распространялся в открытой продаже. Однако читатель у него был. И серьезный. Журнал поступал на столы людям, которые принимали решения, были в состоянии что-то сделать, предупредить об опасности. Из этих соображений я от души сотрудничал с ПИР-Центром.

Любые вопросы черного рынка ядерных материалов

На меня, на статью в *Ядерном Контроле* ссылались *Chicago Post*, *New York Times*, *Minnesota Tribune*, американские и европейские издания. Упомянули по любым вопросам, связанным с черным рынком ядерных материалов. Журналистикой начал заниматься давно, еще в газете «На страже Заполярья». Мы ее называли «На страже захолустья». Тогдашние ребята из

редакции часто к нам ходили, просили дать материал с разъяснениями правовых вопросов, со статистикой преступлений. И вот у меня оказалось самое легкое перо. С тех пор я много публиковался. В отставку я вышел майором юстиции. Ушел потому что страна здорово поменялась. Много того, с чем я боролся,

проникло в повседневные бытовые вещи, в те органы, в которых я служил. В отношении службы военной юстиции романтиком был и остаюсь, поэтому понял, что пора с этим заканчивать. Ушел в адвокатуру. Уголовными делами больше не занимался. Я был настолько заточен под обвинение всей своей жизнью, учебой, профессиональным опытом, что в кресло защитника не перешел. Занимался только гражданскими делами, а потом и вовсе на морском праве сосредоточился.

Мое увлечение судами началось уже здесь, когда устал от городов. Работа такая, что за плечами под шестьдесят стран в основном работа в столицах. Тот, кто бывал в Нью-Йорке, Лондоне, Гонконге, Сеуле, еще десятке таких городов, понимает насколько город начинает давить. Даже за границей – приезжаю, выполняю в городе необходимое дело, а потом беру в прокате машину и уезжаю в поля, леса, горы, в зависимости от места.

Куда на лодке не дойдешь

Потом пришел к воде, все-таки флот, любовь к морю. Началось с приобретения простенькой надувной лодки, потом понял, что хочу на этой лодке далеко-далеко уплыть. И началось. Далеко-далеко можно, но не на этой лодке. Следующая лодка. На следующей лодке далеко-далеко получается, но хочется еще дальше, куда

на лодке не дойдешь. Сейчас у меня очень небольшая лодка, на которой я могу за тысячу – полторы тысячи километров уехать, сбросить ее на воду и там еще тысячу километров на ней пройти. В этом году меня Финляндия позвала. Я – лодку на прицеп и поехал по Сайменскому озеру походил.

Заново познаю Север

В 2018 году снимали программу про мое путешествие в Кандалакшский залив. Тот же Кольский полуостров где я служил, только с другой стороны. С моря все совершенно по-другому выглядит, а в период службы я всех этих красот не видел. Сейчас вот заново познаю тот Север, который люблю и понимаю, что я его толком-то и не знаю. Вот на Териберке я не был во время службы. А в других местах, Ура-Губа, Ара-Губа, Видяево, Гаджиево – везде бывал, все видел. В город Полярный из Североморска – на теплоходе, как на маршрутке. Бывало, что и каждый день ездил, если какое-то крупное дело.

Сейчас все стало иначе, дорога другая.

Россия строилась на реках, другого транспорта не было. Реки защищали от врагов, когда добраться можно только по реке, а вокруг леса и горы. И враг с другой стороны не придет, он может только с реки появиться. Было экономически сообразно защищаться с рек. Сейчас страна раздружилась со своей водой, это

ужасно. Изношенный флот, средняя степень изношенности на сегодня – 78%. Береговая инфраструктура отсутствует, а главное – нет экономики транспорта. Спасибо каналу имени Москвы они сейчас с новой командой взялись развивать эту историю, разгружать дороги.

Севморпуть – история мировой инфраструктуры

Севморпуть – это история, которая интересна всему миру, мы за счет него можем вернуться в мировую инфраструктуру. Сейчас в основном моряки-россияне работают на иностранных судах. Либо же наши суда ходят под иностранными флагами, и тогда это уже не наши суда. Собственный транспорт, подлежащий в случае войны мобилизации, мобилизован не будет, если он ходит под флагом BVI (*British Virgin Islands*). Единственное, что нельзя под чужой флаг поставить – это атомный флот.

Впервые подержал в руках гранки

Хочу поблагодарить Владимира Орлова и ПИР-Центр. ПИР-Центр меня подтолкнул в свое время в журналистику, которой я не занимаюсь системно, но люблю это дело. Благодаря ПИР-Центру впервые подержал в руках гранки, прочувствовал, что такое написать серьезную публицистику. Не заметку для гарнизонной газеты, а серьезное.

Интервью: Андрей Баклицкий

Редакторы: Юлия Цешковская, Надежда Кулибаба

Узнать больше о проекте [«Без галстука»](#) можно на сайте ПИР-Центра.